

МАЛЫЕ ФОРМЫ ФОЛЬКЛОРА В МЕЖГРУППОВОМ И МЕЖЭТНИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ББК 82.3 (235.1+411) я 431+ 63.529
(235.1+411) 7 я 431
УДК 398(470.11)+801.81(045)

Н. В. ДРАННИКОВА
(Архангельск)

РОЛЬ ФОЛЬКЛОРНО- РЕЧЕВЫХ МАТЕРИАЛОВ В ИЗУЧЕНИИ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ЗИМНЕГО БЕРЕГА

***Аннотация.** В статье ставится проблема фольклорно-речевой гомогенности локальных групп (на примере одного из сел Зимнего берега Белого моря Архангельской обл.). Рассматриваются особенности функционирования присловий и локально-групповых прозвищ, которые могут выступать в роли эндонимов и свидетельствовать о развитом локальном самосознании группы или же бытовать в роли экзонимов. Особенности фольклорно-речевой практики группы выступают маркерами межгрупповых отношений.*

***Ключевые слова:** локальная идентификация, фольклорно-речевая практика, местные сообщества, Зимний берег.*

Статья посвящена проблеме локальной идентичности, как она представлена в фольклорно-речевой практике жителей Зимнего берега Белого моря — села Койды, входящего в состав Мезенского района Архангельской области. Для этого обратимся к особенностям функционирования локально-групповых прозвищ (далее — ЛГП) и прозвищных паремий (присловий) данного сообщества. Термин «паремия» нами используется в значении «фольклор речевых ситуаций». Мы не включаем в его состав прозвища-номинативы и повествовательные жанры. Под ло-

кально-групповыми прозвищами понимаем коллективные прозвища различных местных сообществ. Присловье рассматривается как пословично-поговорочное изречение, содержащее характеристику локальной микрогруппы. Присловья и ЛГП могут выступать в роли эндонимов-самоназваний или же бытовать в роли экзонимов — наименований, данных чужими, то есть людьми, не входящими в определенное сообщество.

В задачи исследования входило выявление ЛГП и присловий, превратившихся в знаковые для местных сообществ и способствующих становлению и развитию локальной идентичности; установление типовых ситуаций, «инспирирующих» прозвищные изречения; определение через имеющиеся паремии локальной аксиологии и «антиаксиологии».

В июле 2009 и 2010 гг. нами были организованы экспедиции на Зимний берег Белого моря в д. Сояна, сёла Долгошелье и Койда [Дранникова 2010, 54—57].

С целью исследования локальной идентичности сообществ мы собрали достаточно большой корпус речевых жанров и устойчивых высказываний. Родовые термины для обозначения речевых жанров, являющихся объектом изучения, — паремии и изречения. Кроме того, локально-групповые прозвища могут входить в состав произведений различных жанров, прежде всего фольклора речевых ситуаций: дразнилок, приветствий, загадок, пословиц, поговорок и пр. Они характеризуются высокой степенью интертекстуальности.

Считаем возможным называть население одной деревни или села локальной микрогруппой, так как многие из местных сообществ представляют собой специфическую культурную группу с особым самосознанием [Дранникова 2004, 30]. В этом же значении (объединения людей по месту их проживания)

используется термин «поселенческая общность». В отношении группы деревень или сел, существующих в большом временном отрезке, употребляем словосочетание «поселенческая группа». Первым серьезным опытом специального изучения этнолокальной севернорусской группы стали монографии Т. А. Бернштам, посвященные поморам [Бернштам 2009, 1978, 1983].

Локальная идентификация — отождествление социального субъекта с локальной группой или определенной территорией. Проблемами локальной идентичности жителей Кольского полуострова занимается И. А. Разумова [Разумова 2010, 290—298; Разумова 2006, 25—32]. Предпринятый нами ранее анализ позволил выделить три локальные группы на территории Мезенского р-на Архангельской обл.: мезенцы (жители деревень, расположенных в нижнем течении реки Мезени), пезена (проживающие по реке Пезе — притоку Мезени), поморы — население деревень, расположенных на побережье Белого моря) [Дранникова 2010; Дранникова 2004, 76].

Село Койда, обследованное во время экспедиции 2010 г., возникло на основе складничества¹ в первой трети XVIII в. Неоднократные нападения шведов на жителей побережья Белого моря способствовали дальнейшей миграции населения в более безопасные места. Складники — крестьяне Куйской волости Двинского уезда Иван Малыгин и Семен Корельский — были допущены на постоянное жительство «для лучшего и ближайшего салного и рыбного промысла» мирским сходом крестьян Малонемножской волости [Бернштам 2009, 33]. В Койде были сильны старообрядческие традиции. Т. А. Бернштам писала: «По существу, старообрядчество было господствующей формой православия на Русском Севере...» [Бернштам 2009, 105]. Сейчас на территории Койденского муниципального образования проживают 670 человек, примерно 120 из них — в деревне Майда.

Локальная идентичность данной поселенческой общности связана с вос-

¹ Складничество — форма объединения людей на Руси XIII—XVII вв. для совместного ведения сельского хозяйства, промысла и торговли.

поминаниями о поморских промыслах. Термин «помор» употреблялся как название и самоназвание уже в официальных документах в XVI в. Т. А. Бернштам выдвигает предположение, что «возникновение термина “помор” было связано с мурманским промыслом» [Бернштам 2009, 74]. Данная точка зрения подтверждается тем, что как самоназвание слово «помор» закрепляется за населением, продолжающим интенсивно заниматься морским промыслом, но исчезает в тех местах, где промысел сокращался. Жители всех обследованных нами деревень называют себя поморами, а свою профессиональную деятельность связывают с морскими промыслами: «У моря надо проверять помора; Жизнь с моря, а не с поля» (Зап. от П. Е. Малыгиной, 1927 г. р., д. Койда. Соб. Н. В. Дранникова, 2010 г.²). Местное население уважительно относится к морю, называя его *батюшко*.

Жители Койды занимались не только промыслом зверя (тюленя, белухи, моржа, нерпы), но и ловом рыбы (семги, сельди, трески, последней — на Мурманском берегу) и подледным ловом наваги. Охота и лов рыбы являются основными жизнеобеспечивающими промыслами местного населения. В Койде начинался *зимний путь*, целью которого была добыча взрослого тюленя. В. И. Даль приводит следующее значение слова *путь*: «Путь, арх. ловля, бой, срочный морской промысел. Зимний путь, бой взрослого тюленя, в февр. Путь на Кедах³, ловля молодого тюленя в марте, на уроч. Кеды. Идти в пути, на промыслы» [Даль 2002, 534]. *Зимний путь* назывался Кедовским. В нем принимали участие поморы из Архангельского и Мезенского уездов (Койды, Ручьев), затем *зимний путь* переходил в *весенний* (весенний), начинавшийся 1 (14 ст. ст.) марта, во время которого промышленляли детенышей тюленей [Филин 2002]. В это время сюда съезжалось мужское население всего Мезенского уезда. Актуальными являются воспоминания о том, что во время зверобойной кампании представители разных деревень обменивались

² Все цитируемые в дальнейшем фольклорные материалы собраны автором в 2010 г. и хранятся в его архиве.

³ Кеды — Кедовский мыс, отсюда начинался зимний промысел тюленя.

локально-групповыми прозвищами: «*На зверобойке — прозвища, идут толпой — не обижались*» (Зап. от П. Е. Малыгиной, 1927 г. р., д. Койда). Во время зверобойной кампании происходил диалог между представителями различных местных сообществ, направленный на выяснение межгрупповых отношений.

Особенности хозяйственно-культурного комплекса не могли не сказаться на локальной идентификации жителей, что и демонстрирует народная афористика. Как и весь фольклор, афористика выполняет интегрирующую функцию: определенные тексты позволяют маркировать местные сообщества. ЛГП и присловья служат выражению и поддержанию локальной идентичности. Фольклорно-речевые клише выступают знаками межгрупповых отношений. Локальные группы обладают речевой гомогенностью. Корпус таких текстов специфичен для каждой поселенческой общности. Их употребление демонстрирует включенность человека в группу и является способом разграничения различных групп, «индикатором» выделения местных сообществ. Прозвищные изречения выполняют функцию размежевания микрогрупп. Они ориентированы на социализацию человека — имеют своего референта: с их помощью выделяются различные территориальные сообщества. Локальной идентичности, как она объективируется в речи, посвящен ряд исследований [Левин 1984; Николаева 1994]. Т. М. Николаева отметила обобщенность статуса имени в пословицах и то, что к имени в пословицах добавляется значение «квантора всеобщности “всякий”, “любой”» [Николаева 1994, 166—167]. В прозвищных паремиях квантор всеобщности имеет свою специфику — он распространяется только на одну локальную группу/микрогруппу. Каждая поселенческая группа имеет свои, понятные только ей, тексты. Особенно наглядна эта функция у дразнилок, включающих в себя прозвища и характеристики жителей деревень, образующих единую локальную группу. Обратимся к конкретному примеру. На Зимнем берегу распространена дразнилка, которая охватывает четыре (иногда три) близлежащие поморские деревни, находящиеся в радиусе примерно ста километров от Койды:

*В Койду не по́йду,
Мáйду не нáйду,
Нижу не ви́жу,
В Несь не влезть...*
<Ещё как-то.>

(Зап. от В. А. Расихиной, 1958 г. р., д. Койда.)

От Койды до Майды по прямой линии — около 27 километров (по берегу моря — около 60), от Койды до Нижы — 37 километров (по берегу моря — 40), от Койды до Неси — 100 километров, от Неси до Нижы — 70. В дразнилке используется игра слов. Данный текст существует в нескольких вариантах. Приведем еще один из них:

<Есть ведь такая прибаутка:>

*В Койду не зáйду,
Мáйду проеду,
В Ручьи не влезть...*

(Зап. от З. В. Малыгиной, 1931 г. р., В. Л. Тялькиной, 1959 г. р., д. Койда.)

Эти же деревни являются референтами следующего широко распространенного на Зимнем берегу присловья: *Койда, Майда и Ручьи — три портовых города*. <Вот это у нас коронная тоже фраза.> (Зап. от В. А. Расихиной, 1958 г. р., д. Койда). Эти тексты знают жители всех обследованных нами деревень. В них позиционируется удаленность, труднодоступность населенных пунктов и их местонахождение близ моря. Происхождение данных дразнилок объясняется несколькими факторами. Во-первых, в них включены названия населенных пунктов, находящихся на торгово-промышленном зимнем тракте Мезень — Архангельск, существовавшем до начала 1960-х гг. Во-вторых, это наименования селений, находящихся вблизи моря: все они расположены в устьях одноименных рек, путь к ним затруднен и возможен только во время прилива.

Присловья содержат этноцентричные представления и создают сниженный образ «соседей». Они являются средством психологического воздействия на адресата и обладают сильной экспрессией. Приведенные выше примеры демонстрируют, что существует паремиологический прозвищный дискурс. Фольклорные тексты, содержащие ЛГП, являются «сниженной» версией дуалистической народной культуры. Паремии одновременно относятся к области фольклора и языка. Как явление

языка они — знаки ситуаций, как речевые жанры — модели. Они реализуются в определенных коммуникативных ситуациях. Прозвищные паремии употребляются в контексте речи, поэтому они тесно переплетаются с повествовательными жанрами фольклора. При их исследовании более предпочтителен дискурсивный анализ. Присловья произносятся в различных типовых ситуациях и имеют ритуализованный характер. Они относятся к сфере бытового этикетного поведения. В исследовании нами выделены различные иницирующие их моменты (мотивации высказывания). Это ситуации встреч представителей местных групп (совместное размещение в интернате школьников из разных деревень, проезд или появление в чужой деревне представителей других территорий, драки, ссоры, свадьбы, съезжие праздники, зверобойные кампании, совместный лов рыбы и т. д.). Участниками коммуникации являются представители различных местных сообществ, иногда это автотексты. Жители Койды имеют устойчивую локальную идентичность. Об этом свидетельствуют формы идентификации и самоидентификации, проявляющиеся в фольклорно-речевой практике [Дранникова 2010, 56].

Прозвищные изречения могут быть двух видов. В одних манифестируются ЛГП, в других — характеристики местных групп. В паремиологическом дискурсе реализуются типичные для всего прозвищного фольклора когнитивные стереотипы. В современном архангельском прозвищном дискурсе нами выделены четыре тематические группы. В первой группе ключевыми словами являются столичные градонимы: Москва, Петербург и др., с которыми сравнивается поселенческая общность (например, «Койда — Москвы уголок» (Зап. от О. Г. Малыгиной, 1929 г. р., д. Койда)); во второй — пародируется речевое поведение микрогрупп (*умоленные* — жители деревень Майды и Зимней Золотицы, прозванные так из-за того, что в речи они часто употребляют слово *умоленные*, которое является ласковым обращением к человеку); в третьей — оценке подвергается поведение местных сообществ (*Койдена — в людях гости* (Зап. от П. Е. Малыгиной, 1927 г. р., д. Койда)), его объясняют тем, что жители Койды

были негостеприимными, кроме того, у них не было своего съезжего праздника, как в других мезенских селениях; в четвертой — профессиональные занятия [Дранникова 2004, 254—259].

<Соб.: Существует ли прозвище у жителей Майды?>

— *Заворуи* (смеётся. — *Соб.*). (*Заворуи* — вид промысла тюленя.)

Второе более известное прозвище жителей деревни *Майда* — *хрбень* (Зап. от П. Е. Малыгиной, 1927 г. р., д. Койда). По объяснению местных жителей, *хрбень* — это бедные люди, занимавшиеся профессиональным нищенством. Все эти тематические группы существуют в паремиологическом дискурсе Мезенского Поморья. Прозвищные изречения имеют высокий уровень знаковости внутри самого сообщества. Они акцентируют престижные черты своего сообщества (быта, психосоматики и т. п.), подчеркивают его уникальность.

Сами о себе жители Койды говорят: «...народ угрюмоватый, тяжелый народ, с койденами держи ухо востро» (Зап. от Ю. П. Матвеевой, 1948 г. р., А. Д. Матвеева, 1947 г. р., д. Койда); «койдена не очень гостеприимные» (Зап. от Г. Ф. Коптяковой, 1939 г. р., д. Койда). Они объясняют свойства своего характера особенностями местного ландшафта («... природа у нас такая суровая») и вызванного этим тяжелого физического труда: «боремся за выживаемость» (Зап. от В. А. Расихиной, 1958 г. р., д. Койда). Койда оторвана от других деревень. Она находится в четырех километрах от Белого моря в устье одноименной реки. Путь до соседней деревни Майды является весьма затруднительным. «*Съезжих-то праздников у нас не сделаешь. Полгода распута — никуда и не вылезешь, только летом или зимой*» (Зап. от А. И. Малыгиной, 1946 г. р., А. И. Малыгина, 1920 г. р., д. Койда). В селе отмечались лишь местные праздники, установленные в связи с датой освящения церкви, например: *Православная Светинá* — 6 февраля. На этот праздник приезжали немцы. Первая церковь Николая Чудотворца была построена в селе в 1850 г. и освящена в 1851 [Дранников, Тихонова 2008, 19]. Жители Койды и Майды противопоставляют себя друг другу: «*Вот в Майде интересно. Там причитают:*

каждого оплатят, каждого перекрестят: “Ой, умоленный, куда ты поехал?”. Начнут причитать. Но здесь, в Койде, народ жестокий, очень даже можно сказать. А в Майде — люди душевные, нематерные. Рядом живут, а разные понятия у людей» (Зап. от Ю. П. Матвеевой, 1948 г. р., А. Д. Матвеева, 1947 г. р., д. Койда). Ну койдяна-то — народ плохой. Майдинский народ хороший, приятный (зап. от З. В. Малыгиной, 1931 г. р., В. Л. Тялькиной, 1959 г. р., д. Койда). «Там просто люди гостеприимнее. Они же людей не видят там, даже и разговор там другой у них, в Майде. У нас ведь тут половина майдинских. Мы раньше вот в интернате здесь жили, нас привозили из Майды, а койдяна — здесь. Вот мы всё воевали с имами (с ними. — Соб.), вот друг друга — заворуи... Но это всё старинное, это пришло, наверно, оттуда, из старины (Зап. от З. В. Малыгиной, 1931 г. р., В. Л. Тялькиной, 1959 г. р., д. Койда). В местном дискурсе противопоставляются такие качества соседних сообществ, как гостеприимство/негостеприимство, доброта/жестокость, сквернословие/его отсутствие, искренность/недоброжелательность. Несмотря на противопоставление, существующее в фольклорно-речевой практике, для койдян Майда — «своя». Местные сообщества хорошо знают прозвища Майды, Ручьев, Долгощелья, Нижи: «Долгощелье турки: они похожи на турков, так и говорят: “Турция”; Ручьи — непарны валенки, Нижа — молоканы⁴» (Зап. от Г. П. Титова, 1931 г. р., д. Койда).

Степень знания прозвищ поселенческой общностью соответствует границам локальной группы. Жители Мезенского Поморья знают хуже прозвища деревень, расположенных по рекам Мезени и Пезе, иногда не знают их вовсе. В большей степени койдяне противопоставляют себя населению этих мезенских деревень. Об уроженце этих селений они говорят, что он с мезенской стороны, подразумевая тем самым, что они к этой «стороне» не относятся. Ме-

⁴ Жители Нижи — молокане. Молокане — русская секта, ответвление секты духовоборов. Название «молокане» присвоено секте в 1765 г. тамбовской консисторией. Сами сектанты называли себя «духовными христианами». В 1805 г. молоканам была дарована свобода вероисповедания.

зень жители Койды считали городом: «А у нас по Мезени мама работала, <...> и мама у меня говорила: “Вышла замуж тут в Койду”, — все говорила, — а место там по Мезени: ну мухи да комары, а у нас-то, место-то, говорили, что уголок Москвы» (Зап. от О. Г. Малыгиной, 1929 г. р., д. Койда). «С верхних деревень (по реке Мезени. — Н. Д.) к богатым на судно на обработку зверя и рыбы нанимались» (Зап. от Ф. Е. Малыгиной, 1932 г. р., д. Койда). «Здесь жили культурнее, уровень жизни был выше: имели свои суда, зарабатывали на рыбе» (Зап. от В. И. Малыгиной, 1952 г. р., д. Койда). «Койда три года на одной славе проживет» (Зап. от О. Г. Малыгиной, 1929 г. р., д. Койда).

В меньшей степени койдяне противопоставляют себя жителям других поморских поселений, особенно Майды, и ощущают свою близость к ненцам. Существует табу на произнесение прозвища своей деревни.

<Соб.: Назовите прозвище жителей Койды?>

— Этого тут сказать нельзя... (Зап. от К. М. Матвеевой, 1933 г. р., д. Койда).

<Соб.: Как жителей Майды называли?>

— Не скажу, я сам из Майды. Но это не матюгливо, это там, наверно, Майда едет или как-то еще... (Зап. от Г. П. Титова, 1931 г. р., д. Койда).

<Соб.: А жителей Койды как называют?>

— Ещё хуже (смеётся. — Соб.) (Зап. от В. И. Малыгиной, 1952 г. р., д. Койда).

В номинации «соседей» присутствует обобщение (метонимия): *Майда едет, Турция идет* и т. п. Прозвища произносятся шутливо, улыбаются, некоторые подчеркивают их временную отдаленность: *давно было, мне мама говорила* и др. В прозвищном дискурсе существуют формулы достоверности, или ссылки на предков: «Ой, ну, это надо у стариков спрашивать — это всё раньше было» (Зап. от Ф. Е. Малыгиной, 1932 г. р., д. Койда).

В высказываниях о Койде ее жителями подчеркивается набожность местного населения, богобоязненность. Иногда в оценках присутствует интертекст, восходящий к рассказу архангельского писателя Б. В. Шергина «Ушаков и Яков Койденский»: «У Шергина-то есть рассказ о Койде-то... Вот он упоминал, Шер-

гин <...>: «Хотелось бы мне умереть в благословенной Койде»; Народ-то у нас был очень такой... серьезный был очень. Обряды все соблюдались, очень корни-то были сильные. Набожные люди» (Зап. от К. М. Матвеевой, 1933 г. р., д. Койда). «У нас люди были в деревне богобоязны, очень богобоязны, в Бога верили. Без Бога никуда, без Бога — не до порога. Я вспомнила: за рекой была Ольга, она старообрядка, за веру-ту была увезена, так и умерла» (Зап. от К. М. Матвеевой, 1933 г. р., д. Койда).

Некоторые местные жители считают себя потомками старообрядцев, в селе до сих пор существует старообрядческая община: «Старообрядческая вера сильнее считалась. Бежали сюда от шепети» (Зап. от К. М. Матвеевой, 1933 г. р., д. Койда). В местном дискурсе старообрядцы называются *шепетниками*, про них говорят, что они бежали от *шепети/шепету*. Локальную идентичность жителей Койды также образуют воспоминания о ранее существовавших контактах с Норвегией. Местные жители возили в Норвегию рыбу и кожу, отсюда привозили домашнюю утварь, одежду, инструменты. К локальным особенностям фольклорно-речевого дискурса относится «память» о связях с Норвегией: «Норвежана покупали шкурки. Они очень честные. Покупали у них часы, посуду, инструменты, одежду. В Норвегию ездили за кофе, а туда возили рыбу» (Зап. от П. Е. Малыгиной, 1927 г. р., д. Койда). «Воспоминания» о новгородском происхождении и былом мореходстве также являются неотъемлемой частью локальной идентичности местного сообщества: «Люди заселились с Новгорода; На Новую землю ходили» (Зап. от Ф. Е. Малыгиной, 1932 г. р., д. Койда).

Жители Койды имеют устойчивую локальную идентичность. Об этом свидетельствуют формы идентификации и самоидентификации, проявляющиеся в фольклорно-речевой практике [Дранникова 2010, 56]. Наряду с локальной идентичностью у них присутствует этническая идентичность. Местное население противопоставляет себя не только другим русским территориальным сообществам, но и ненцам, проживающим на территории современной Койды и в тундре. Ненцев (особенно мезенских) дразнили *лопатами* (из-за их плоского лица). По мнению русских, прозвище носит насмешливо-унизи-

тельный характер, несмотря на это ненцы признают его по отношению к себе. Вероятно, прозвище было образовано от слова «лопась», которым называли соседей ненцев — саамов. Еще одно прозвище ненцев — *сыроеды*.

<Соб.: Здесь с ненцами тесные связи были?>

— Так она и щас. Она сейчас ещё просто более тесная стала. Щас-то всё перемешалось.

<Соб.: А как относились к ненцам?>

— Как-то неплохо, если они там..., если они приедут, чаю нальют, накормят.

<Соб.: А не говорили, что ненцев боялись из-за того, что они много знают?>

— Ну, там не все, не про всех, говорили, но вот тот же Сазон Гаврилович был в свое время, покончил жизнь, про него говорили, что знал⁵. (Зап. от Ю. П. Матвеевой, 1948 г. р., А. Д. Матвеева, 1947 г. р., д. Койда).

В последние два десятилетия начала происходить активная ассимиляция русских и ненцев: «Сейчас все русаками сделались. Мы среди русских запутались» (Зап. от К. В. Вылко, 1934 г. р., д. Койда). «Ненцы говорят: Койдена — свои, наши. Они сестры и братья нам» (Зап. от М. В. Вылко, 1925 г. р., д. Койда).

Оленеводство являлось одной из хозяйственных практик поморов Зимнего берега Белого моря. Связь ненцев с русскими была настолько сильной, что были записаны воспоминания о том, как ребенка (младшего брата нашей исполнительницы) крестили ненцы (Зап. от З. Г. Матвеевой, 1950 г. р., д. Койда).

Идентификация и идентичность социальная — процесс и результат самоотождествления индивида с каким-либо человеком, группой, образцом. Идентификация — один из механизмов социализации личности, посредством которого усваиваются определенные нормы поведения, ценности и т. п. тех или иных социальных групп или индивидов. Исследование показало, что деление местных жителей на русских и ненцев — лишь один из слоев идентичности. На локальном уровне жители Койды по-прежнему осознают себя общиной с сохраняющимися особенностями расселения, быта, говора, социальных ценностей, брачно-родственных

⁵ Сазон Гаврилович Баракулев — ненец, проживавший в Койде в 1930–1960-е гг., местные жители считали его колдуном.

ориентаций. Местное население имеет свой образ территории и идентифицирует с себя с Койдой. Существует три уровня противопоставления жителями Койды себя «чужим». Первый уровень составляет противопоставление населению деревень, расположенных по реке Мезени (оно является самым актуальным), второй — жителям близлежащих поморских деревень, третий — ненцам. Последние во многом «свои». Все жители обследованных деревень считают себя поморами.

Прозвищные изречения обладают 1) интегративной функцией, 2) функцией размежевания микрогрупп (особенно сильно эта функция выражена у дразнилок), 3) фатической (функцией восприятия — перцепции) — паремии адресуются собеседнику и др. Одной из их основных функций является конативная (побудительная). В исследуемых изречениях главное внимание уделяется не информации, а иллокутивному воздействию на адресата. В речи адресант передает не только некий объем информации для достижения своих невербальных целей, но и своим способом передачи информации, выбором тех или иных лексических единиц манифестирует дополнительные сведения. Эти сведения отражают иерархическую систему в поселенческой группе, качество исполнения социальных ролей, взаимоотношения: доброжелательность, уважительность, враждебность, т. е. всё то, что имеет отношение к установленным в обществе социальным нормам и процедурам их исполнения/неисполнения. В исследовании нами выделены различные иницирующие их моменты (мотивации высказывания).

После распада СССР с 1990-х гг. на уровне районов и отдельных населенных пунктов локальная идентичность заметно активизировалась. В условиях глобализации увеличивается интерес к локальным явлениям.

Литература

Бернштам 2009 — Бернштам Т. А. Народная культура Поморья. М., 2009 (Нация и культура / Антропология / Фольклор: Новые исследования).

Бернштам 1978 — Бернштам Т. А. Поморы: Формирование группы и системы хозяйства. Л., 1978.

Бернштам 1983 — Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX века. Л., 1983.

Даль 2002 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2002. Т. 3: П.

Дранникова 2004 — Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность. Жанровая система. Этнопоэтика. Архангельск, 2004.

Дранникова 2010 — Дранникова Н. В. Этнокультурная традиция мезенской деревни Сояны (по материалам экспедиции Поморского государственного университета в 2009 г.) // Живая старина. 2010. № 4. С. 54—57.

Левин 1984 — Левин Ю. И. Провербильное пространство // Паремнологические исследования: Сб. ст. М., 1984. С. 108—126.

Николаева 1994 — Николаева Т. М. Загадка и пословица: социальные функции и грамматика // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. М., 1994. Т. 1. С. 143—177.

Дранников, Тихонова 2008 — Мезенский хронограф. Летопись края / авт.-сост. В. И. Дранников, Н. В. Тихонова. Архангельск, 2008.

Разумова 2010 — Разумова И. А. Миграционный опыт и формирование локальной идентичности жителей Кольского Севера // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М. 2010. С. 290—298.

Разумова 2006 — Разумова И. А. Репрезентация Севера в устных и письменных текстах современной городской культуры Заполярья // XVII Ломоносовские международные чтения. Вып. 2. Поморские чтения по семиотике культуры: Сб. науч. докладов и статей / отв. ред. Н. М. Теребихин. Архангельск, 2006. С. 25—32.

Филин 2002 — Филин П. А. Традиции морского рыболовства поморов Терского берега Белого моря в XV—XX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2002.

Summary. *The article raises a problem of folk speech homogeneity of local groups (on the example of the inhabitants of the White Sea Winter Coast village (the Arkhangelsk Region). The author considers the peculiarities of functioning of local groups nicknames, proverbs and sayings about members of certain local groups which may act either as endonyms (such proverbs, sayings and nicknames are a proof of highly-developed self-consciousness of a certain local group) or ekzonyms.*

The peculiarities of folk speech practice act as markers of relationship existing between certain local groups.

Key words: *local identity, folk speech practice, local groups, Winter Coast.*